

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

*Ник Фоушин
Бруно Коппитерс*

1. НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА РЕАЛИЗМ, ПАЦИФИЗМ И МИЛИТАРИЗМ

Данное исследование по военной этике посвящено в первую очередь теории справедливой войны — одной из четырех основных точек зрения на войну и связанные с ней ужасы. Но, подробно анализируя эту теорию, мы неизбежно — с пользой для исследования — обращали внимание также на реализм, пацифизм и милитаризм. Эти три точки зрения мы рассматривали главным образом в тех случаях, когда применяли принципы теории справедливой войны к конкретным историческим событиям. Некоторые из разбираемых нами примеров были связаны с политикой Германии накануне и во время Второй мировой войны. Вне всякого сомнения, эта политика была инспирирована милитаристскими мотивами. В других примерах рассматривался политический выбор, в котором определенную роль играли реалистские мотивы. Разумеется, иногда трудно отождествить страну или ее руководителя с той или иной позицией, поскольку часто со временем они изменяют свою точку зрения. Например, когда Джордж Буш-старший был представителем республиканской администрации при Президенте Никсоне и послом США в ООН, он осуждал индийскую интервенцию в Восточный Пакистан (нынешний Бангладеш). Поступая таким образом, он отстаивал ту линию внешней политики США, которая была глубоко укорененной в реалистском мировоззрении. Пакистан, который в то время был союзником США, необходимо было защищать от Индии, союзника СССР. Выражая поддержку пакистанским властям, США совершенно не учитывали

Москва: Гардарики, 2002

резне среди гражданского населения Восточного Пакистана. Но через 20 лет, став Президентом США, Джордж Буш оправдывал военные действия против Ирака, уже опираясь на теорию справедливой войны.

В остальных примерах конфликтующие стороны обосновывали свои действия как реалистскими мотивами, так и с помощью принципов теории справедливой войны. Возможно, это объясняется тем, что общественное мнение нуждается в разъяснении со стороны руководителей государства, что иллюстрируется анализом одного из рассмотренных в нашей книге примеров. Во время Косовского кризиса в 1999 г. Президент Билл Клинтон заявил, что решение применить военную силу было принято только из гуманитарных соображений. Но значимость таких высказываний снизилась из-за других официальных заявлений, в которых говорилось, что у США в данном случае имелись также собственные стратегические интересы. Очевидно, эти дополнительные заявления предназначались для того, чтобы успокоить тех американцев, которые опасались, что во имя гуманитарной миссии НАТО может пожертвовать национальными интересами США.

Хотя в нашу книгу не были включены примеры, касающиеся тех политиков, которые отстаивали пацифистскую позицию, в истории такие примеры хорошо известны. Например, можно было бы указать на индийское национально-освободительное движение, возглавлявшееся Мохандасом Ганди, которое продемонстрировало практические возможности пацифизма. Еще одной иллюстрацией использования ненасильственных стратегий является сопротивление народа Чехословакии советской оккупации в 1968 г.

Политика, которая руководствуется главным образом, хотя и не исключительно, теорией справедливой войны, имеет значение и для самой теории: она проливает свет и на теорию справедливой войны *как теорию*, и на позиции реализма, милитаризма и пацифизма. Рассмотрим в качестве примера пацифизм. Он однозначно коррелирует с определенными аспектами теории справедливой войны. Большинство пацифистов занимают абсолютистскую позицию. Очевидно, что по сравнению с теорией справедливой войны пацифистская позиция проста в применении. Абсолютный пацифизм принимает моральные требования по поводу насилия вообще

и по поводу насилия во время войны в частности, не делая при этом никаких исключений. Сторонники пацифизма утверждают, что такие правила, как «война недопустима», не терпят никаких исключений. Несомненно, пацифизм усложняется, когда ему приходится философски или морально *обосновывать* свою позицию. Трудно представить и понять аргументы, необходимые для того, чтобы привести убедительный теоретический довод в пользу самой этой позиции. Кроме того, несомненно, трудно с помощью рациональных доводов убедить других людей не применять силу в реальном мире, особенно перед лицом прямой угрозы их жизни, жизни их родственников, друзей и близких. Это не менее трудно сделать даже после того, как люди уже приняли пацифизм на рациональном уровне.

Однако когда, пацифизм принят, он дает простое средство для решения вопроса, должна ли быть применена сила в той или иной ситуации. Если запрещаются всяческие исключения, допускающие применение силы в любой обстановке, то, рассматривая конкретную ситуацию, где есть угроза войны, пацифисты должны сказать «нет» войне. Они могли бы добавить к этому утверждение «все войны безнравственны». Говоря «нет» войне, пацифисты могут снова столкнуться с трудностью отстаивания своей общей позиции и они, возможно, признают, что жить в соответствии с тем учением, которое они приняли, трудно. Но когда эта позиция принята, чисто технически ее легко применять на практике. У пацифистов нет потребности разрабатывать множество критериев, как это делают сторонники теории справедливой войны, которая предполагает, чтобы решение о том, вступать в войну или нет, каждый раз принималось отдельно и специально¹. Однако это не означает, что их позицию легко практически реализовать, когда нужно определить альтернативы использования силы. В главах IV и V, посвященных соответственно принципам вероятности успеха и соразмерности, показано, как трудно применять методы ненасильственной гражданской обороны.

По-своему отличается от традиции справедливой войны и реализм. У реалистов нет такой роскоши, как возможность дать один и только один ответ в ситуации, когда война стучится в дверь. Подобно пацифистам, реалисты сталкиваются с трудной задачей

¹ Об условном пацифизме см.: Введение.

обоснования своей теоретической позиции¹. Но в отличие от большинства пацифистов реалисты — не абсолютисты. Они не говорят войне «да» точно так же автоматически, как пацифисты говорят войне «нет». Скорее, большинство реалистов иногда говорят войне «да» (как и большинство милитаристов), а иногда — «нет». Это означает, что, применяя теорию в какой-нибудь конкретной военной обстановке, реалисты (хотелось бы надеяться) идут по пути размышлений, не отличающемуся от пути размышлений сторонников теории справедливой войны.

Это может происходить следующим образом. Столкнувшись с вероятностью возникновения войны, реалисты прежде всего будут пытаться найти какое-нибудь веское основание для вступления в войну. Это «*веское основание*» не то же самое, что правое дело для сторонников теории справедливой войны. Только на первый взгляд мотивы реалистов и сторонников теории справедливой войны могут казаться одними и теми же. Например, веским основанием может быть защита территориальной целостности союзного или дружественного государства или восстановление международного мира и безопасности. Но для реалистов эти веские основания применяются только в той степени, в какой они связаны с защитой национальных интересов (с точки зрения реалистов). Соображения гуманизма как таковые не входят в круг обсуждаемых вопросов.

Более прямая формулировка реалистского аргумента будет примерно следующего типа: «Мы получим огромную выгоду, если вторгнемся на территорию соседнего государства, поскольку там много нефти (угля, плодородной земли, авиационных заводов и т.д.)». В этом направлении мысли оцениваются также возможные недостатки такого вторжения. Реалисты формулируют свои веские основания для вступления в войну не с этической точки зрения, а с точки зрения собственной пользы. Таким образом, согласно точке зрения реалистов, предполагаемая война в помощь союзному государству, ставшему жертвой агрессии, или военное вторжение на территорию другого государства, могли отвечать критерию веских оснований в том случае, если бы нефтяные

¹ Мы используем здесь понятия «реалисты», «пацифисты» и «сторонники теории справедливой войны» для того, чтобы прояснить существующие теоретические различия. Однако ясно, что в практической жизни отдельные люди могут использовать аргументы, взятые из различных течений этической мысли.

запасы этой страны были огромны, но не удовлетворить ему в том случае, если бы эти запасы были малы.

Но если предположить, что требования критерия веского основания выполнены, реалисты, вероятно, захотят, чтобы были соблюдены также требования других критериев. Достаточно любопытно, что эти критерии подобны критериям теории справедливой войны. Например, существует критерий, имеющий отношение к принципу правильных (добрых) намерений, только теперь «добрые намерения» означают не действия в соответствии с правым делом, а, скорее, действия в соответствии с интересами своего государства. Подобным образом реалисты применяют и критерий вероятности успеха. По мнению теоретиков справедливой войны, этот критерий предполагает вероятность успеха в соблюдении принципа правого дела. В противоположность этому для реалистов этот критерий означает что-то вроде «вероятности успеха в соблюдении интересов своего государства». То же верно и в отношении принципа соразмерности. Соразмерность — это консеквенциалистский критерий теории справедливой войны, связанный с благополучием не только одной воюющей стороны, но и всех сторон, которые могут быть затронуты данной войной. Поэтому принцип соразмерности в сущности является этическим критерием. Отсюда следует, что реалисты, которые не видят никакого непосредственного значения принципа соразмерности для военной этики, приспособливают его к своим своекорыстным целям. В этом случае соразмерность для реалистов должна означать что-то вроде утверждения: «Мы вступаем в войну, если общая польза от такого действия соразмерна (а именно, в целом больше) ущербу *для нашей стороны*». К реалистской позиции можно применить даже принцип крайнего средства. Поскольку война — это очень дорогостоящее средство соблюдения собственных интересов, стратегия реалистов неизбежно будет такой: прежде чем прибегнуть к войне, необходимо испытать все остальные средства достижения желаемого.

Таким образом, параллель между теорией справедливой войны и реализмом имеет смысл только в том случае, когда вопрос о том, чтобы начать войну, уже полностью решен. Но она неуместна в том случае, когда еще только предстоит вести войну. Разумеется, когда применяется одна из версий принципа соразмерности, некоторая параллель существует. Реалисты занимаются изучением

издержек и выгод ведения боев и военных кампаний, но и в этом случае их анализ ограничивается издержками и выгодами только своей стороны. Иначе обстоят дела с принципом различия. Реалисты не проявляют никакого интереса к жизням некомбатантов другой стороны, за исключением сбора информации о состоянии общества или случаев, когда они вынуждены соотносить свои действия с нормами международного права. Совершенно отлична от этой точки зрения позиция сторонников теории справедливой войны, высказывающих моральное суждение о том, что необходимо принимать в расчет интересы каждой стороны даже в том случае, если временами от этого в некоторой степени страдают собственные интересы.

Так как и реалисты, и сторонники теории справедливой войны имеют в своем распоряжении теорию, которая помогает им обдумывать свои задачи, то сходств между этими двумя позициями намного больше, чем можно предположить. Прежде всего их объединяют *процедуры*. Сторонники обеих теорий считают, что в ходе принятия решения о вступлении в войну необходимо следовать определенным процедурам. Например, в отношении принципа крайнего средства эти процедуры являются теми альтернативами, которые должны быть испытаны в первую очередь, а что касается принципа легитимной власти, то предпринимать ведущие к войне шаги позволено только определенным официальным лицам, представляющим политическое сообщество.

Но если мы рассматриваем эти теории о вступлении в войну как соединение множества процедур и множества ценностных суждений, то мы видим, что реализм и теория справедливой войны отличаются друг от друга главным образом своим отношением к последним. Реалисты используют множество тех же процедур, что и сторонники теории справедливой войны, но реалисты привержены другим ценностям, поэтому интерпретируют их иначе. Реалисты дорожат интересами государства, принимающего решение о том, вступать в войну или нет, и о том, как оно должно вести войну в том случае, если она уже началась. Они не дорожат непосредственно кем-то или чем-то, что находится вне сферы их национальных интересов. В противоположность этому сторонники теории справедливой войны дорожат всеми людьми. В основе многих принципов, составляющих эту теорию (а в наибольшей степени в основе принципов правого

дела, соразмерности и различия) лежит представление о том, что принимать в расчет следует каждого человека, которого затрагивает все, происходящее во время войны. Внимание к интересам каждого человека не исключает того, что в некоторых обстоятельствах привилегированный статус получает собственный народ. У государства — у любого государства — есть особый долг защищать прежде всего своих собственных граждан. Оно защищает свои границы и свой народ в такой степени, в какой это редко делается для народов других стран. Но равное внимание ко всем означает, что данное государство не будет подвергать гражданских лиц враждебного государства сколько-нибудь большей опасности, чем своих собственных граждан, оно обращается с ранеными врагами точно так же, как и со своими ранеными, оно обращается с попавшими в плен врагами точно так же, как оно хотело бы, чтобы враги обращались с его собственными попавшими в плен гражданами, и т.п.

Многое из того, что было сказано о реализме, применимо и в отношении милитаризма. Не будучи абсолютистской позицией в том смысле, в каком абсолютистским является пацифизм, милитаризм также нуждается в критериях, которые помогают его сторонникам принять решение о том, когда следует начинать войну, а когда — нет. Таким образом, милитаристам также нужна своя версия принципа правого дела. Вспомним (из «Введения»), что милитаристская концепция правого дела отличается тем, что она сформирована не с универсальной точки зрения. Поэтому когда милитаристы говорят о несправедливости, они говорят с точки зрения не человечества, а конкретной группы людей или сообщества. Более того, милитаристы говорят о несправедливости с точки зрения морального превосходства их собственной этнической группы или религиозного сообщества. Например, Гитлер говорил о культурном превосходстве немцев Судетской области над другими народами Чехословакии, когда он призвал к уничтожению этой страны и сформулировал причину мировой войны, к которой он готовился с точки зрения «расового сообщества» и «жизненного пространства для Германии». Он открыто указывал на необходимость подчинения славянских народов арийской расе. Такая интерпретация принципа правого дела не имеет ничего общего с гуманистической точкой зрения теории справедливой войны. Реалисты в отличие от милитаристов не утверждают, что интересы

одной отдельной группы людей, сообщества или государства имеют моральное превосходство над интересами другой группы, сообщества или государства.

Но милитаристам также необходимы критерии легитимной власти, добрых намерений, вероятности успеха и соразмерности, значение которых они могут интерпретировать в соответствии со своей идеологией. То, в чем они, вероятно, не нуждаются, это принцип крайнего средства. Поскольку война для милитаристов — это большей частью плодотворная сфера деятельности, им не нужно стремиться к тому, чтобы избежать войны в том смысле, в каком это нужно сторонникам теории справедливой войны. Теоретики справедливой войны говорят о моральных ограничениях по каждому типу решения относительно войны, в то время как милитаристы учитывают только ограничения, продиктованные благоразумием. Действительно, они считают, что война как таковая — это добродетельная сфера деятельности. Это выглядит так, как будто милитаристы поддерживают мир только для того, чтобы получше подготовиться к войне, в то время как теоретики справедливой войны и реалисты решаются на войну для того, чтобы подготовить наступление прочного мира.

2. ТЕОРИЯ СПРАВЕДЛИВОЙ ВОЙНЫ И ЧРЕЗМЕРНЫЙ ОПТИМИЗМ

Хотя сравнение различных точек зрения на войну способствует улучшению нашего понимания традиции справедливой войны, тем не менее, применяя эту теорию, легко совершить ошибки. Две из множества подобных ошибок являются основными. Первая основная ошибка обусловлена чрезмерным оптимизмом. В этом случае от этической теории и, в частности, от теории справедливой войны ожидается слишком многое. Чрезмерно оптимистичные последователи традиции справедливой войны полагают, что эта теория дает окончательные ответы на все этические вопросы, имеющие отношение к войне. Конечно, они признают, что наши знания об имеющихся фактах, необходимые для вынесения суждений, ограничены. Если какое-нибудь государство точно не знает, каково положение по ту сторону границы, оно не может найти разумные ответы на вопрос, что делать. Но оптимистичные теоретики справедливой войны настаивают на том, что если бы было известно

достаточно обстоятельств, а столкнувшись с перспективой войны понимали бы сущность теории справедливой войны и, кроме того, если они при этом были еще и разумны, то в любом случае появились бы ответы на вопрос, что делать¹.

Истоки модели, которую используют в теоретическом рассуждении эти мыслители, — в так называемых точных и прикладных науках, где во многих областях физики и химии соединение теории и фактов дает точные ответы. Поэтому в данных областях можно делать прогнозы насчет точного местоположения какого-нибудь объекта или точного количества полученного в колбе жидкого вещества. По их предположению, все теории должны быть подобны теориям точных наук, эти оптимистичные теоретики надеются, что подобные результаты должны давать и этические теории. Их теоретическая установка исходит из того, что, когда становятся известными факты («на входе»), либо теория справедливой войны и другие этические теории дают точные результаты («на выходе»), либо эти теории бессмысленны.

Ключ к пониманию того, что в этом оптимистическом взгляде на теорию что-то неверно, обнаруживается во многих примерах, обсуждавшихся в нашей книге. Вспомним колебания в суждениях, которые мы высказывали относительно советско-финской войны, относительно вторжения советских войск в Польшу в 1939 г. (глава III) или относительно ввода российских войск в Чечню (глава X). Кроме того, в этой книге содержатся два противоречащих друг другу взгляда на войну НАТО в Косово (главы XI и XII). Даже если насчет фактической стороны этих примеров существует значительное единогласие, то в случае применения теории не следует никакого автоматического суждения. Почему это так, мы можем увидеть, если опять-таки внимательнее рассмотрим теорию справедливой войны и способ взаимосвязи элементов этой теории. Как мы уже видели, категория *jus ad bellum* этой теории содержит шесть принципов (а именно: принципы правого дела, легитимной

¹ Разновидность такого оптимистического мировоззрения выражается во мнении, что надлежащее применение теории справедливой войны (наряду с фактами) разрешило бы все конфликты и разногласия. Таким образом, если бы два теоретика справедливой войны расходились во мнениях о том, нужно ли вступать в войну, то понадобилось бы только совещание между ними. Предполагается, что, когда они все обсудят, эта теория разрешит противоречие (если, конечно, эти двое будут восприимчивы к чужому мнению).

власти, добрых намерений, вероятности успеха, соразмерности и крайнего средства). Различные элементы данной теории связаны друг с другом, поэтому значение перечисленных принципов невозможно полностью оценить независимо друг от друга. Например, принцип добрых намерений оценивается на фоне принципа правого дела. Намерения являются добрыми, если они способствуют соблюдению принципа правого дела (например, при возвращении поработанному народу его исконной территории). Подобным образом и принцип вероятности успеха, и принцип соразмерности учитывают выгоды и издержки войны на фоне того, что на первом месте находится цель вступления в войну (правое дело). Даже принцип крайнего средства можно понять только на фоне правого дела. Например, само по себе крайнее средство может оказаться той последней попыткой, которая отразит агрессию против государства-союзника. Хотя одни критерии или принципы зависят от других, при применении теории справедливой войны они трактуются так, будто они являются независимыми. Каждый принцип как таковой необходимо применять по отношению к военной обстановке в определенной последовательности. Таким образом, для того чтобы вступление в войну было справедливым, государственная власть должна преодолеть каждый из шести отдельных барьеров. Если хотя бы один из них не преодолен, войну нельзя считать справедливой.

Но почему не предположить, что такие колебания в суждениях и расхождения во мнениях о применении этих теорий нередки? Почему не предположить, что по поводу теории справедливой войны прав оптимист? Очень просто: потому что, как мы уже видели, ни один из этих принципов не устанавливается или не может устанавливаться в точности. Возьмем, к примеру, принцип правого дела. Нарушение политического суверенитета и территориальной целостности какого-нибудь государства — действие, которое мы обычно квалифицируем как агрессию, — является одной из форм несправедливости. Если на страну совершено нападение, то она успешно преодолевает такой барьер, как принцип правого дела, и продвигается по пути к обоснованию вступления в войну. Но, как стало ясно при обсуждении этого принципа в главе I, существуют различные виды агрессии, вследствие чего возможно, что две участвующие в войне страны будут обвинять друг друга в агрессии. «Действительно, мы послали наши войска через границу,

так что в этом смысле мы агрессоры, но мы ведем себя «агрессивно» против настоящего агрессора, который около 20 лет назад захватил ту территорию, которую мы теперь пытаемся потребовать обратно». Так кто же в данном случае агрессор? В этом случае слово «агрессия» *двусмысленно* (т.е. имеет два или более различных значения), но это не значит, что оно двусмысленно всегда. В большинстве ситуаций нет ни двусмысленности, ни *неопределенности* (т.е. когда нет четкой линии, отделяющей одно понятие от другого). Поэтому по поводу того, кто агрессор, в большинстве случаев не возникает сомнений. Но в самом понятии «агрессия» существует недостаток определенности, что во множестве ситуаций создает проблемы. А это в свою очередь создает проблему для всех тех, кто полагает, что теория справедливой войны в соединении со знанием фактов автоматически дает ответы на все вопросы о том, как государство должно вести себя, столкнувшись с возможностью войны.

Правое дело может быть связано не с агрессией, а с гуманитарной необходимостью. Но здесь также есть неопределенность. Если какая-то страна намеренно или по недосмотру причиняет серьезный ущерб большей части собственного народа, то насколько серьезным должен быть этот ущерб, чтобы была оправдана интервенция в эту страну? Сколько для этого должно пострадать людей? Теория об этом не говорит, потому что данный подпринцип в рамках теории справедливой войны утверждается в самом абстрактном, т.е. неопределенном, виде. Например, две главы о Косово, помещенные в нашей книге, представляют собой разные точки зрения на эту проблему, что наглядно показывает, как неопределенность проявляется на практике.

Так же обстоит дело и с другими принципами. Если принцип добрых намерений в целом определяется как принцип, подтверждающий правое дело, то ответы на вопрос о том, при каких условиях соблюдается принцип добрых намерений, могут быть самыми разными. Одни считают, что добрые намерения не следует смешивать с намерениями, которые не связаны непосредственно с соблюдением принципа правого дела, даже если не предполагается намерения действовать несправедливо или безнравственно. Другие считают, что принцип добрых намерений можно соблюсти в случаях, предполагающих смешанные намерения, если эти намерения, косвенно связанные с реализацией принципа правого дела, не

являются главным основанием для вступления в войну. Третьи применяют принцип добрых намерений еще более гибким образом. Они считают, что одного только наличия добрых намерений среди самых различных намерений в ходе принятия решения уже достаточно для того, чтобы считать, что этот принцип соблюдается. Такая позиция близка к реализму, но не тождественна ему, поскольку с точки зрения теории справедливой войны наличие правого дела есть *conditio sine qua non*¹. В примере, рассматривающем войну в Персидском заливе, где важную роль играли как суверенитет Кувейта, так и заинтересованность западных стран в нефти и их геополитические интересы, упомянутые три позиции привели к разным оценкам этой войны. Согласно первой интерпретации того, как следует применять принцип добрых намерений, война в Персидском заливе, несомненно, была несправедливой, а согласно третьей интерпретации — справедливой. Если принцип добрых намерений применяется согласно второй интерпретации, то у сторонников теории справедливой войны могут быть разные мнения в зависимости от того, какое значение они придают геополитическим интересам и интересам энергетической безопасности западных стран.

В гл. VI мы отмечали, что крайнее средство может означать только крайнее *разумное* средство. Сколько средств должно испробовать государство, прежде чем оно сможет сказать, что были исчерпаны все разумные альтернативы? В одних обстоятельствах этот принцип легче использовать, чем в других. Например, угроза атаки со стороны противника может пресечь какую-либо возможность переговоров. Но могут быть и совершенно неоднозначные в данном плане ситуации. Ничуть не проще в этом отношении принцип соразмерности. Мы указывали в главах V и VII, посвященных данным принципам теории справедливой войны, что принцип соразмерности не объясняет, каким должно быть соотношение между хорошими и плохими средствами — 50:50, 75:25 или какое-нибудь другое. Как мы увидим далее, то же можно сказать и в отношении принципа вероятности успеха.

Вопросы вызывает даже принцип легитимной власти. Этот принцип хорошо функционирует в том случае, когда мы размыш-

¹ *Conditio sine qua non* [кондицио сине ква нон] (лат.) — букв. неперемное условие.

ляем о межгосударственной войне в мире, состоящем из суверенных государств. Когда две страны или более приближаются к состоянию войны, можно относительно просто применить принцип легитимной власти. Народы хорошо знают, кто их лидер, и законным путем определяют, какой из этих лидеров ответствен за объявление войны. В Уставе ООН установлены ясные правовые нормы относительно применения силы. Но все усложняется в том случае, когда рассматривается гражданская или партизанская война. При каких условиях антиколониальные, сепаратистские или революционные движения удовлетворяют требованиям принципа легитимной власти? В каких случаях Совет Безопасности ООН или отдельное государство может во имя гуманитарных целей нарушить принципы суверенитета и невмешательства? Некоторые сложные случаи пограничных разногласий остаются нерешенной проблемой как для специалистов по международному праву, так и для специалистов-этиков, занимающихся проблемами международных отношений.

Легко понять источник этой проблемы. Теория справедливой войны является результатом длительной исторической традиции. Она, как и принцип легитимной власти, была разработана в сочинениях Августина Блаженного, жившего в одной из провинций Римской империи. Благодаря перетолкованию Священного Писания Августин дистанцировался от пацифистской христианской традиции. Принцип легитимной власти в его понимании был одним из принципов, подразумевавших легитимацию и ограничение применения политическими властями силы без отказа от религиозных обязательств христиан перед Богом и человечеством. Возникновение в XVIII в. Вестфальской системы суверенных государств отражало сдвиг от преданности религиозному авторитету Церкви к преданности политической власти государства. Этот сдвиг нашел свое дальнейшее выражение в секуляризации традиции справедливой войны. В то время как в христианском учении о легитимном применении силы решался вопрос о том, как снять напряжение между политической и религиозной преданностью, в традиции справедливой войны в ее секуляризованной форме решался вопрос о том, как преданность государству привести в соответствие с преданностью человечеству.

Именно с тех пор теория справедливой войны стала помогать одному государству противостоять угрозе и реальности войны при

столкновении с другим государством. В основном теория справедливой войны воспринимается как теория, имеющая отношение к сфере межгосударственных конфликтов. Но эту теорию можно применять также и к внутригосударственным конфликтам. В этом случае многие критерии остаются неизменными, поскольку они применимы к любой войне и любой военной обстановке. Например, сепаратистское движение может ссылаться на принцип правого дела (в частности, в форме борьбы с угнетением и эксплуатацией со стороны колониальной власти) так же легко, как национальное государство (в форме преодоления последствий произошедшей в прошлом агрессии). Подобным образом повстанческая группировка может ссылаться на принцип крайнего средства так же, как это делает национальное государство. Развязывание партизанской и (или) гражданской войны не будет обоснованным, если эта группировка не испробовала (все) остальные средства для преодоления той несправедливости, которую она стремится преодолеть. То же относится и к принципам соразмерности и добрых намерений. Они применяются по отношению к повстанческим войнам точно так же, как к войнам между государствами. А принцип вероятности успеха может стать несколько менее строгим (см. гл. IV и обсуждение темы, посвященной Кубе), т.е. прежде чем повстанческая группировка начнет использовать силу, она, по-видимому, не должна демонстрировать в той степени, что постоянное правительство, свою разумную надежду на успех. Кроме того, любая повстанческая группировка может применить большую часть принципов *jus ad bellum*, как и *jus in bello*, поэтому она сталкивается в основном с теми же препятствиями в обосновании военных действий, что и любое национальное государство. Даже несмотря на то что повстанческие, партизанские или какие-либо другие нестандартные группировки варьируются по форме, все же их действия попадают под большинство ограничений теории справедливой войны.

Это положение в принципе такое же, что и в части *jus in bello* теории справедливой войны. Поскольку принципы различия и соразмерности были кодифицированы в международном гуманитарном праве, появилась ясность относительно того, как их использовать в отношении военных преступников. Но в некоторых случаях применение части принципов *jus in bello* теории справедливой войны все еще осложняется их двусмысленностью и неоп-

ределенностью. Война НАТО в Югославии обосновывалась политическими аргументами, взятыми из традиции справедливой войны, но эта традиция дает также серьезные аргументы и в пользу критической оценки того способа, каким велась эта война. В гл. VIII о принципе различия и в главе XI о Косово указывалось на противоречие между оправданием этой войны в гуманитарном отношении и политическим решением, принятым руководством НАТО, которое обязывало своих пилотов летать в небе Югославии на безопасной высоте. Это решение подвергало опасности тот самый народ, который НАТО стремилась спасти. Оно предполагало большую опасность для жизни гражданского населения Сербии и Косово, что, как можно заметить, вступает в противоречие с принципом различия, требующим сведения к минимуму потерь среди гражданских лиц. Но эта критика основывается на конкретной интерпретации долга солдат на поле боя, интерпретации, которая не обязательно разделяется всеми сторонниками теории справедливой войны. Кроме того, если во всей теории справедливой войны обнаруживаются неопределенность и двусмысленность, становится очевидно, что эту теорию невозможно применить по отношению ко всем или почти ко всем военным ситуациям, как можно применять во всех ситуациях естественно-научные теории (из области физики и химии).

3. ЧРЕЗМЕРНЫЙ ПЕССИМИЗМ

Когда обнаруживаются ошибки, связанные с чрезмерным оптимизмом, появляется соблазн принять противоположную позицию. Такая реакция порождает вторую основную ошибку в понимании теории справедливой войны. Только теперь на место слишком больших ожиданий от этой теории приходят неоправданные сомнения. Неопределенность и двусмысленность принципов справедливой войны заставляют некоторых ученых становиться не оптимистами, а пессимистами. Они полагают, что принципы справедливой войны подобны пластилину, т.е. им можно придать любую желаемую форму. В своем крайнем виде этот пессимизм в теории справедливой войны приводит к скептицизму или даже цинизму. Однако не следует преувеличивать неопределенность и двусмысленность, обнаруживаемые в любой этической теории, в том числе и в теории справедливой войны. Термины, используемые в этике,

никогда не бывают такими же точными, как термины, используемые в некоторых других науках. То же говорил Аристотель в своей «Никомаховой этике»: «Рассуждение будет удовлетворительным, если удастся добиться ясности, сообразной предмету, подлежащему рассмотрению. Ведь не во всех рассуждениях, так же как не во всех изделиях ремесла, следует добиваться точности в одинаковой степени... ведь человеку образованному свойственно добиваться точности для каждого рода предметов в той степени, в какой это допускает природа предмета. Одинаково нелепым кажется как довольствоваться правдоподобными рассуждениями математика, так и требовать от ритора строгих доказательств»¹.

Поэтому в тех случаях, когда имеешь дело с этическими вопросами, говорить, что используемым нами терминам присущи неопределенность и двусмысленность, это не то же самое, что говорить, что они вообще двусмысленны и неопределенны. Большая часть терминов обычного языка содержит неопределенность и двусмысленность, но из-за этого мы не отказываемся от него. Например, допущение, что обычные слова, обозначающие простые цвета, столь неопределенны, что мы не можем сказать о каком-то конкретном лоскуте «он красный или оранжевый»; но это не означает, что невозможно обозначить другие лоскуты как красные или оранжевые. В самом деле, бессмысленно утверждать, что красный и оранжевый — это абсолютно неопределенные цвета. Причина, по которой мы знаем, что цвет какого-то лоскута близок к границе, разделяющей красное и оранжевое (следовательно, понятие, которое мы используем, говоря о лоскуте, неопределенно), заключается в том, что цвет каких-нибудь других лоскутов уже не так близок к этой (неопределенной) границе. То же верно и в отношении национальных границ. Спор по поводу границы, вызванный ее неопределенностью или неочевидностью, имеет смысл потому, что, как мы знаем, в состав данных двух государств входят и другие территории, которые никем не оспариваются. В таком случае неопределенность может ослабить силу какого-нибудь понятия и таким образом помешать тем, кто хочет использовать его, всегда высказывать точные суждения. Но это не обязательно мешает им эффективно использовать данный термин в высказываниях моральных суждений в большинстве случаев.

¹ Аристотель. Никомахова этика, 1094b 10—25 // Аристотель. Соч.: В 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1984. С. 55—56.

Эта дискуссия для теории справедливой войны означает, что она не стала бесполезной по причине неопределенной и (или) двусмысленной терминологии. Скорее, эта теория находится где-то между взглядами тех, кто смотрит на нее чрезмерно оптимистично, и взглядами тех, кто смотрит на нее чрезмерно пессимистично. Это не означает, что в теории справедливой войны нет никакой неопределенности и двусмысленности (оптимистическая позиция). Это также не означает, что все наше мышление пропитано неопределенностью и двусмысленностью (пессимистическая позиция). Главная функция теории справедливой войны заключается в упорядочении нашего представления о войне таким образом, чтобы указать нам, когда мы должны вступать в войну, а когда — нет. Поощряя потенциальных участников войны задуматься над рядом вопросов (например: «За правое ли дело мы собираемся бороться?», «Попытались ли мы решить проблему путем переговоров?»), эта теория отодвигает начало войны, а иногда и предотвращает ее. Помимо этого, ставя вопросы о том случае, когда война уже началась (например: «Являются ли эти люди законной целью нападения?», «Не излишне ли интенсивно мы бомбим противника, который уже и так собирается сдаться?»), теория справедливой войны способствует тому, чтобы сделать войну более гуманной, чем она могла быть в ином случае. Возможно, преодоление ограничений теории справедливой войны не поможет в любом случае (как на это надеются оптимисты), но это может помочь в массе самых разнообразных случаев (что отрицают пессимисты).

Теория справедливой войны обеспечивает теоретическую поддержку, когда нужно сделать выбор более рациональным, разумным и сознательным. Интересно отметить, что у реализма те же цели. Постольку, поскольку реалистская теория подталкивает своих последователей к тому, чтобы они сформулировали веские (своекорыстные) основания для вступления в войну, определили вероятность успеха в этой войне, насколько вступление в войну соразмерно поставленным перед ней целям и т.д., реалисты также сталкиваются с ограничениями, которые затягивают процесс вступления в войну и, возможно, предотвращают ее. Они также могут извлечь выгоду из анализа примеров прошлых войн, а также из того способа, с помощью которого их теория организует их мышление и делает его более разумным, с тем, чтобы они

подходили к проблеме войны и участвовали в ней, твердо зная, что они уже методично продумали все принимаемые решения.

Многое относительно теории справедливой войны было понято благодаря тому вниманию, которое уделялось ошибкам чрезмерного оптимизма и пессимизма. Внесение корректив относительно ошибки чрезмерного оптимизма учит сторонников теории справедливой войны не ожидать получения легких ответов на вопрос о решении начать войну, учит нас быть смиренными. Внесение корректив, исправляющих ошибку чрезмерного пессимизма, учит теоретиков избегать скептического предположения о том, что один ответ в теории справедливой войны подходит так же хорошо, как и другой. Корректирование пессимизма учит также преодолевать трудности вынесения суждений о войне, помогая каждому, кто применяет теорию справедливой войны, быть объективным настолько, насколько это вообще возможно для человека. Изучение теории справедливой войны посредством сосредоточения на двух основных ошибках понимания и применения данной теории немного похоже на попадание в отдаленную цель методом пристреливания — недолета и перелета.

4. УНИВЕРСАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ?

Даже при том, что мы видим некоторую неопределенность в той форме, которую принимает теория справедливой войны, нельзя не отметить, насколько универсальной остается эта теория. Почему это так — объяснить нелегко, но можно попытаться дать следующее правдоподобное объяснение. Как уже упоминалось выше, теория справедливой войны имеет двухчастную структуру: одна часть связана с процедурами, другая — с ценностями. Что касается первой части, то в ней универсальная природа теории справедливой войны вполне понятна. Когда, как, например, в случае принципа крайнего средства, требуется определить все наши альтернативы, мы должны делать нечто очень важное — вести себя разумно. Разум подсказывает нам, чтобы мы не выбирали одну из альтернатив до тех пор, пока не проверены все остальные. Подобным образом, когда принцип соразмерности (в категориях *jus ad bellum* и *jus in bello*) требует оценить издержки и выгоды (каковы бы они ни были), от нас снова требуется просто рационально подходить к этому. Подобным образом принцип вероятности ус-

пеха также побуждает нас вести себя разумно, опять напоминая нам, что прежде чем начать действовать, нужно осуществить оценку издержек и выгод. Даже принцип легитимной власти побуждает нас вести себя разумно, содействуя тому, чтобы общество позволяло принимать важные решения о войне только тем, кто наделен законной властью (т.е. тем, кто, как хотелось бы надеяться, наиболее компетентен). Таким образом, поскольку теория справедливой войны основывается на процедурных соображениях, которые тесно связаны с признаваемыми всеми разумом, логикой и ясным мышлением, понятно, что в этой теории есть тенденция к обладанию универсальным статусом.

Но какова ценностная часть структуры теории справедливой войны? Насколько можно считать ее универсальной? Вспомним, что ценностная часть теории справедливой войны является гуманистической. Она утверждает, что всем без исключения людям следует уделять равное внимание. Все люди имеют какое-то значение в самом широком моральном смысле. Предполагается, что ни один человек не должен обесцениваться как личность. Это та часть теории справедливой войны, которую принимают не все. Такие термины, как «гуманизм», «гуманистический» и «гуманитарный», многим напоминают о Мишеле Монтене, Эразме Роттердамском, Томасе Море и др., т.е. о западных мыслителях Нового времени.

Однако гуманизм — учение, согласно которому все люди достойны заботы, имеет гораздо более древние и широкие исторические корни. Первоначально христианство было (и все еще остается во многих своих формах) гуманистическим в том своем представлении, что каждый из нас есть дитя Божие. Согласно этому учению, не имеет значения, богат человек или беден, стар или млад, каков цвет его кожи, — все мы чего-то стоим и являемся ценностью в глазах Бога. Древнегреческая культура не отличалась гуманистическим мировоззрением. Например, в рамках этой культуры весьма редко порицалось рабство. Однако даже в этой культурной среде стойки призывали выйти за пределы узкогреческой этнической идентичности, а каждого человека рассматривать как играющего в Космосе свою уникальную роль. В Индии универсальным в своем представлении о человеке был буддизм. Благодаря такому представлению особой привлекательностью буддизм обладал для бедных. Как учение он также получил большое

распространение, поскольку учил тому, что спасение предназначено не только для какой-то одной особой касты, но вообще для всех людей. Гуманистическое мышление прослеживается в традиции китайской мысли. Конфуций и Мо-цзы развили соответственно понятие человечности (*жэнь*) и всеобщей любви. Человечность открыто проявляет заботу о каждом человеке. В школу Конфуция приглашались учиться все независимо от того, были они из провинции или из столицы, богатыми или бедными. Понятие всеобщей любви Мо-цзы буквально означает именно то, на что указывает. Мы должны проявлять равную заботу о каждом человеке. В самом деле, согласно Мо-цзы, предполагается, что мы должны заботиться о родителях других людей в той же степени, что и о своих родителях.

Гуманистические представления не универсальны в том смысле, что их утверждают все, однако они обнаруживаются во многих культурах и в разные исторические эпохи. Этот вывод находит свое подтверждение в сравнительном исследовании общественного мнения во Франции, России, Великобритании и США¹. Согласно результатам исследования, проведенного в 1999 г., общественное мнение в этих странах в высокой степени осознает моральное значение принципов категории *jus in bello*². Лишь от 1 до 4% респондентов считают, что для ослабления врага допустимо напа-

¹ People on War. Country Report Russian Federation: Report by Greenberg Research, Inc. Geneva: International Committee of the Red Cross, 1999. Совещание было проведено в Российской Федерации в мае 1999 г. во время войны НАТО в Косово и перед началом второй военной кампании в Чечне.

² Но подсчет мнений показывает также значительные расхождения между этими четырьмя странами в их этическом отношении к войне. Во-первых, это касается вопроса о том, заключается ли главная причина вступления государства в войну, в несостоятельности человеческой природы или в несостоятельности правительства. Население Российской Федерации считает, что это бывает главным образом из-за правительств (72%), а не из-за человеческой природы (14%). Такое высокое признание ответственности политических лидеров в гораздо меньшей степени наблюдается в других странах (26% во Франции, 36% в Великобритании и 33% в США). Во-вторых, существенно различаются ответы на вопрос о том, как нарушители должны быть наказаны. Международный трибунал находит в Российской Федерации гораздо меньше поддержки (21%), чем в других странах (62% во Франции, 51% в Великобритании и 40% в США). В то же время, с тем, что правительство страны, ведущей войну, должно наказывать за военные преступления, согласны 35% российских респондентов, по сравнению с 12% во Франции, 20% в Великобритании и 21% в США. В-третьих, только 16% россиян поддерживают отправку войск за рубеж как части международных сил для ограничения потерь, что примерно в 4 раза меньше, чем в остальных трех странах.

дать как на комбатантов, так и на гражданских лиц. Это означает, что у тех, кто неразборчив в средствах ведения военных действий, общественная поддержка очень слаба. Анализ мотивов такого отношения дает примерно аналогичную картину статистических данных. Апелляция к защите прав человека — это главная причина отказа от нападения на гражданских лиц (55% во Франции, 63% в России, 66% в Великобритании, 51% в США). Кроме того, 63% респондентов в Российской Федерации ссылаются на свой личный моральный кодекс — понятие, менее заметное в Великобритании (30%), США (29%) и Франции (44%). Гораздо меньше людей, обосновывая недопустимость нападения на гражданских лиц, апеллируют к религии, праву и родной культуре¹.

Разумеется, такое квазиединодушие в поддержке общего принципа различия в данных четырех странах резко уменьшается, когда респондентам задают вопросы относительно конкретного применения этого принципа. Лишение гражданских лиц враждебного государства пищи, медикаментов или воды с целью ослабить врага принимается 28% населения России, 25% — Великобритании, 36% — США и 18% — Франции. Нападение на религиозные и исторические памятники приемлемо для 15% населения России, 35% — Великобритании, 36% — США и 23% — Франции. Можно сказать, что значительная часть общественности отстаивает принцип различия, не обязательно осуществляя на практике все его конкретные приложения. Тем не менее даже при конкретном обсуждении этого принципа все же гораздо больше тех, кто его поддерживает.

Отчасти это всеобщая поддержка принципа различия в разных странах с весьма разными военными традициями может быть результатом пережитых ужасов двух мировых войн, сотен многих других войн, которые вспыхивали в течение XX в., и тех войн, которые разгораются уже в XXI в. Кроме того, такая реакция существует, видимо, благодаря развитию международного права и проявляемой им озабоченности относительно соблюдения прав человека. Наконец, можно предположить, что причина такой реакции связана с развитием средств массовой информации, которые способствуют распространению идеологии гуманизма. Каковы бы ни были эти причины, в мире становится все больше стран, которые

¹ К религии апеллируют 14% населения Российской Федерации, 7% во Франции, 9% в Великобритании, 26% в США. К культуре апеллируют 10% населения России, 13% Франции, 3% Великобритании и 5% США.

всерьез разделяют гуманистические идеи. Даже те страны, которые не верят в права человека, не могут не говорить о них. Высказываясь так, будто они следуют принципам гуманистической этики и соблюдают требования теории справедливой войны, соответствующей этой этике, эти государства невольно способствуют укреплению представления об обоснованности гуманизма.

Таким образом, хотя гуманизм, строго говоря, не является универсальным учением, он получает повсеместную поддержку. А поскольку это так, то государствам все труднее открыто игнорировать гуманистические принципы и, следовательно, теорию справедливой войны.